

DOI 10.37386/2305-4077-2021-3-11-41

М. Г. Альтшуллер¹*Питтсбургский университет (США)***ГРИБОЕДОВ И СТАРШИЕ АРХАИСТЫ**

В статье рассматривается связь творчества А. С. Грибоедова («младшего архаиста», по определению Ю. Н. Тынянова) с идеями, настроениями, идеологией «старших архаистов», «беседчиков» (С. А. Шишкова, Г. Р. Державина). Совпадает их отношение к Карамзину, Жуковскому, борьба с западничеством, постулирование особого пути России. В то же время, если старшие архаисты ориентировались на монархические и крепостнические традиции, то молодые архаисты (Грибоедов) видели особый путь России в средневековых традициях городов-республик Новгорода и Пскова.

Ключевые слова: А. С. Грибоедов, П. А. Катенин, С. А. Шишков, Н. М. Карамзин, В. А. Жуковский, Ю. Н. Тынянов, архаисты, «Беседа любителей русского слова», «Арзамас»

Mark G. Altshuller*University of Pittsburgh (USA)***GRIBOEDOV AND ELDER ARCHAISTS**

The article considers relations between A. S. Griboedov's works (a "younger archaist", in Yu. N. Tynianov's terminology) and ideas, emotional modes, and ideologies of "older archaists" (A. S. Shishkov, G. R. Derzhavin). Both parties share their perception of N. M. Karamzin and V. A. Zhukovsky, struggle with Westernism, as well as advocacy for a special way for Russia. At the same time, whereas the "older archaists" drew from the monarchist and serfdom traditions, their younger counterparts (such as Griboedov) saw the special way for Russia in medieval traditions of the city-republics of Novgorod and Pskov.

Keywords: A. S. Griboedov, P. A. Katenin, A. S. Shishkov, N. M. Karamzin, V. A. Zhukovskii, Yu. N. Tynianov, «The Colloquy of Lovers of the Russian Word», «Arzamas».

17 августа 1816 г. В. Л. Пушкин писал Н. И. Гнедичу (приписка в письме Батюшкова): «Откуда взялся рыцарь Грибоедов? Кто воздоил сего кандидата Беседы пресловутой?» [Батюшков, 1989, т. 2, с. 398]. А. С. Шишков в известном «Рассуждении о красноречии священного писания» говорил: «Самые низкие слова: *подоить корову, надоить молока, подойник, удои* и пр. вы знаете; а самых благороднейших, означающих, воспитание, таковых, как *воздоить – вздоенный, вы не знаете*» [цит. по: Виноградов, 1994, с. 868]. Таким образом, остроумный Василий Львович, процитировав главу «Беседы любителей русского слова», без обиняков назвал Грибоедова воспитанником этой самой «Беседы». Основания для подобной дефиниции у него были.

1

Первое известное нам (точнее неизвестное) произведение Грибоедова называется «Димитрий Дрянской». Единственные сведения об этой шутке сохранились в рассказе С. Н. Бегичева:

¹ Марк Григорьевич Альтшуллер, кандидат филологических наук, почетный профессор Питтсбургского университета (США).

<...> на пятнадцатом году его жизни <...> он написал в стихах пародию на трагедию «Дмитрий Донской», под названием «Дмитрий Дрянской», по случаю ссоры русских профессоров с немецкими за залу в аудитории, в которой русские и немецкие профессора хотели иметь кафедру. Начинается так же, как и в трагедии, советом русских, которые хотят изгнать из университета немцев, потом так же кстати, как в трагедии явилась в стан князем Ксения, пришла в университет Аксиния, и т.п. Все приготовились к бою, но русские одержали победу. Профессор Дмитрий Дрянской, издававший журнал, вышел вперед, начал читать первый номер своего журнала, и немцы все заснули [А. С. Грибоедов в воспоминаниях..., 1980, с. 24].

Хорошо известно, что руководители и основатели будущей «Беседы» (Державин, Шишков) к творчеству Озерова относились сугубо отрицательно. Особенно резкие отзывы заслужила у них трагедия «Дмитрий Донской». Премьера ее состоялась в Москве в декабре 1806 г., а в Петербурге 14 января 1807 г., и 18 января Державин громогласно возмущался историческими несообразностями пьесы: «...мне хочется знать, на чем основался Озеров, выведя Димитрия влюбленным в небывалую княжну, которая одна-одинехонька прибыла в стан и, вопреки всем обычаям тогдашнего времени, шатается по шатрам княжеским да рассказывает о любви своей к Димитрию» [Жихарев, 1955, с. 321].

Шишков вполне разделял мнение Державина. По словам С. Т. Аксакова, он «принимал за личную обиду искажение характера славного героя Куликовской битвы, старинных нравов и *высокого слога*» [Аксаков, 1955, с. 303]. «Завязка сей трагедии, – говорил Шишков, – на такой невероятности основана, что никакими натяжками нет возможности ее оправдать. <...> какая же причина посылать ее (Ксению. – М. А.) в стан венчаться накануне сражения. <...> Ну дак как татары нападут? Проклятые тотчас погасят брачные свечи» [цит. по: Сидорова, 1956, с. 152; Альтшуллер, 2007, с. 149–156].

Аксаков постоянно бывал в доме Шишкова с конца 1808 до середины 1811 г. В это время у Шишкова иногда давали домашние спектакли. В одном из них принимал участие П. Н. Семенов (1791–1832), племянник известной поэтессы Анны Буниной, который нежно заботился о тетке во время ее тяжелой смертельной болезни. Бунина, протеже и ученица Шишкова, ввела племянника в дома Шишкова и Державина. Семенов учился в Московском университете в 1806–1809 гг. В 1808–1810 гг. он написал драматическую пародию на трагедию Озерова «Митюха Валдайский» [Комаров, 2007].

В пьесе Семенова рассказывается о битве между валдайскими целовальниками и зимогорскими ямщиками. Митюха (Димитрий) предводительствует валдайцами. Его возлюбленная Аксютя (Ксения) приезжает к любимому, и «грамотей» Елисей строго поучает ее согласно мнениям Державина и Шишкова:

...ни в одной еще того не встретил сказке,
Чтоб ссорились свои за девушкины глазки...
Чтобы к богатырям или царям каким
Возили на войну невест, чтобы венчаться,
А девкам не в свое не надобно мешаться
[Русская стихотворная пародия, 1960, с. 229].

В 1806–1808 гг., в одно время с Семеновым, в Московском университете учился Грибоедов. Они были, видимо, почти ровесники¹, возможно, были знакомы и общались. В этом случае пародии были связаны друг с другом, и талантливая шутка Семенова могла оказать влияние на Грибоедова. Во всяком случае, перед воюющими профессорами появляется тоже Аксиния (Аксютя у Семенова), судя по простонародному имени, служительница в университете. Ее разговор с учеными профессорами, должен был выглядеть достаточно забавно.

По всей вероятности, в «Дмитрии Дрянском» изображен М. Т. Каченовский, на что указал С. А. Фомичев [Фомичев, 1976, с. 216–219], хотя об отношении «беседчиков» к Озерову автор не упоминает. В этом случае «беседный» характер пародии Грибоедова получает дополнительное подтверждение. В конце 1800-х гг. Каченовский выступал против шишковистов. В 1810 г. был напечатан его язвительный и остроумный разбор программного стихотворения С. А. Ширинского-Шихматова [Альтшуллер, 2007, с. 122–125]. В этой связи не случайно, может быть, ироническое упоминание Каченовского в грибоедовском «Письме из Бреста Литовского к издателю “Вестника Европы” (1814):

А впрочем, летописи Бреста
Пусть <Каченовский> разберет
[Грибоедов, 1999, т. 2, с. 244, 519].

А в 1811 г. Каченовский начал преподавать в университете. Если у Грибоедова действительно отражена полемика Каченовского с шишковистами, то «Дрянской» может быть датирован 1811 г., что совпадает со словами Бегичева «на пятнадцатом году», поскольку Бегичев всегда утверждал, что Грибоедов родился в 1795 г.²

Итак, уже первое сочинение Грибоедова совпадает с литературной позицией сообщества, которое в 1811 г. получило название «Беседа любителей русского слова». Нужно заметить, что и «младоархаисты» отрицательно относились к творчеству Озерова. Так, в 1820 г. А. А. Жандр писал: «Трагедия “Фингал”, по мнению моему, вовсе не трагедия: в плане ее нет никакого плана, характеры лиц не похожи ни на какие характеры» [Ларионова, 2011, с. 256].

2

Летом 1815 г. Грибоедов появился в Петербурге, получив отпуск от военной службы. Как хорошо известно, он подружился здесь с князем А. А. Шаховским, видным участником «Беседы» и ожесточенным противником молодых карамзинистов-арзамасцев. Бывает он и у Шишкова, который «жил в великолепной казенной квартире против дворца» [Аксаков, 1955, с. 306].

¹ Год рождения Грибоедова документально не установлен. С. А. Фомичев считает наиболее вероятным 1794-й год [Фомичев, 2007, с. 11]. Однако мы согласны с мнением Н. А. Тарховой о 1790 г. [Летопись... с. 8–10, 20].

² Пользуюсь случаем поблагодарить Н. А. Тархову за эту датировку комедии Грибоедова. – М. А.

Возможно, Грибоедов был введен в гостиную вельможи кем-нибудь из друзей (тем же Шаховским?). Шишков принимал по вторникам. И в письме к Катенину от 19 октября 1817 г. Грибоедов иронически сообщал, что предпочитает манкировать этими посещениями: «... Андрей Андреевич (Жандр. – М. А.) последний вторник является на вечер к Шишкову, слушает Тасса в прозе (перевод Шишкова «Освобожденного Иерусалима». – М. А.) и благополучно спит <...> а сам я регулярно каждый вечер болен» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 14]. Несмотря на явную иронию этих слов, отношения между старым вельможей и начинающим литератором были всё же неплохими. И Грибоедов рассчитывал летом 1824 г. на помощь Шишкова в напечатании «Горе от ума». Об идеологической близости Шишкова и Грибоедова мы будем говорить в дальнейшем.

В 1808 г. в «Вестнике Европы» появилась «Людмила, русская баллада, подражание Биргеровой Леоноре». Это была первая из знаменитых баллад В. А. Жуковского. Она имела грандиозный успех, особенно в кругу карамзинистов. Русское имя героини, ее нежные страдания, прелестный пейзаж (вовсе не специфически русский), небывалая прелесть стиха – всё это (при новизне самого пришедшего из Европы жанра) превращало балладу в триумф карамзинистов.

Прошло восемь лет, и в том же «Вестнике Европы» появляется новый перевод той же Бюргеровской баллады и тоже перенесенный на русскую почву. Это была знаменитая «Ольга» П. А. Катенина (1816). Соперничество с Жуковским было абсолютно явным и намеренным. Бой, данный Катениным, свидетельствовал, что «Людмила» все эти годы продолжала оставаться знаменем «новаторов».

Нежным пейзажам Жуковского («месяц серебрится», «ранний ветерок», «шорох тихих теней») Катенин противопоставил «вранов крик», «вой не к месту», «пляску сволочи летучей». Томным жалобам Людмилы («Царь небесный нас забыл») противопоставят энергичные проклятия Ольги: «Бог меня обидел сам... Бог без жалости к слезам». И самое главное: в балладе Жуковского, несмотря на русское имя героини, не было ничего или почти ничего национально маркированного. Стихотворение Катенина всё построено на мотивах русского фольклора. Здесь и характерный рефрен: «Конь бежит, земля дрожит, / Искры бьют из-под копыт», – и замечательное, исполненное силы и выразительности описание страданий героини, с инверсиями и постоянными эпитетами:

Так весь день она рыдала,
Божий промысел кляла,
Руки белые ломала,
Косы черные рвала [Катенин, 1965, с. 98].

Сказочную присказку «Конь бежит...» Катенин мог найти в книге Шишкова «Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки» (1811), Шишков же взял ее из книги Г. Глинки «Древняя религия славян» (1804) [Альтшуллер, 2007, с. 274]. Об инверсиях и постоянных эпитетах Катенин мог прочитать в той же книге Шишкова, создавшего первую классификацию поэтики русского фольклора.

О соперничестве Жуковского и Катенина написано очень много; из недавних работ укажем: [Строганов, 1995–1996, с. 142–145; Кибальник, 2010; Майофис, 2008, с. 574–580]. Нас интересует лишь полемика Гнедича и Грибоедова по поводу этого поэтического соревнования. Защитником Жуковского оказался Гнедич, что не совсем понятно, ибо эстетические связи с «Беседой» у Гнедича были достаточно устойчивы, но эту проблему мы сейчас обсуждать не будем. Видимо, дело было в личных отношениях [Строганов, 1995–1996, с. 143–144; Кибальник, 2010, с. 36–45]. В июле 1816 г. в «Сыне отечества» появилась статья Гнедича «О вольном переводе Бюргеровой баллады: Ленора». Непримирымый, воинственный запал автора демонстрировал эпитафия из «Ольги», который давал уничтожающую оценку стихам Катенина: «...воюете не к месту. / Песнь нескладна и дика» [Гнедич, 1816, с. 2].

Гнедич называет Катенина «завистником» и показывает несостоятельность его попыток соперничать с Жуковским. Заслугой Жуковского является то, что он превратил «народную» балладу Бюргера в «*прелестное* стихотворение», «*приятное* для русских читателей» [Там же, с. 7]³. Фольклор (народная баллада) является для Гнедича (заметим, только в этой статье!) сомнительной ценностью. Гораздо важнее приятность слога, что называл важнейшим достоинством литературы еще Карамзин. Гнедич тоже считает народную «простоту» стиха Катенина серьезным недостатком, которого лишены стихи его соперника. Прочитав строки: «Ах, родима, *всё пропало!*... Ах, *родима, всё пустое!*», Гнедич восклицает: «Это простота, но не поэтическая». И далее в подтверждение этого тезиса иронически приводит небольшой список слов, взятых из катенинской баллады: *светик, влошь, споро, сволочь*, – которые «без сомнения дышат простотою, но сия простота не поссорится ли со вкусом?» [Там же, с. 8]. О стихах «Отворяй скорей **без шуму**; Спишь ли милая **в потьме?**» Гнедич замечает: «Тон стихов немножко груб для любовника, следовательно и для читателя». По поводу строчек «Турк без брани побежден <...>; / И на родину с венками – / С песнями» Гнедич пишет: «**Турк, с песнями**. Для легких стихотворений – тяжело...» [Там же], считая по-карамзински (только в данном контексте!) «легкость» едва ли не главным достоинством стихотворного текста вообще. Тогда как для «беседчиков» трудность стиха, работа над пониманием текста при вникании в его смысл были безусловным достоинством произведения. За это они ценили даже творчество Радищева.

Таким образом, автор разбора следует важнейшему тезису карамзинской эстетики, для которой понятие вкуса было определяющим для оценки художественного текста: «нужно писать так, как «говорят люди со вкусом» [Карамзин, 1964, т. 2, с. 185]. За пределы хорошего вкуса выводились слова народные, «простонародные», которые, как и реальные картины народного быта, Карамзин называл отвратительными. Позволю себе напомнить хрестоматийное

³ Здесь и далее курсив принадлежит автору статьи; полужирный шрифт – цитируемым авторам.

рассуждение Карамзина в письме к Дмитриеву от 22 июня 1793 г.: «При первом слове (*ничужечка*. – М. А.) воображаю... порхающую малиновку или пеночку и покойного селянина, который с тихим удовольствием смотрит на природу и говорит: *вот гнездо, вот ничужечка!* При втором слове (*парень*. – М. А.) является моим мыслям дебелый мужик, который чешется неблагопристойным образом или утирает рукавом мокрые усы, говоря: ай парень! Что за квас!» [Письма Н. М. Карамзина..., с. 39]. Карамзин считал, что автор должен «выражать приятно... даже обыкновенные мысли» [Карамзин, 1964, т. 2, с. 185].

Гнедич пишет, что стихи баллады Катенина
Хоть и варяго-росски,
Но истинно – немного жестки! [Гнедич, 1816, с. 13].

Гнедич взял эти два стиха из «Видения на берегах Леты» (1809) Батюшкова, где «зело славнофил» А. С. Шишков хвалит одного из своих соратников и любимого ученика А. С. Ширинского-Шихматова, автора поэмы «Пожарский, Минин, Гермоген, или Спасенная Россия»:

Они Пожарского поют
И **тянут** старца Гермогена;
Их мысль на небеса вперенна,
Слова ж из Библии берут;
Стихи их хоть немного жестки,
Но истинно варяго-росски
[Батюшков, 1989, т. 1, с. 376].

В другом месте рецензии по поводу словоупотребления Катенина (*светик* и пр.) Гнедич обращается к автору с восклицанием: «Ну! к черту вкус и ум, пишите в добрый час!» – цитируя поэму В. Л. Пушкина «Опасный сосед» (1811), пользовавшуюся громадным успехом в кругу карамзинистов-арзамасцев. Посмотрим на контекст гнедичевской цитаты:

Кузнецкий мост, и вал, Арбат и Поварская
Дивились *двоице*, на бег ее взирая.
Позволь Варяго-Росс, угрюмый наш Певец,
Славнофилов кум, взять слово в образец.
Досель, в невежестве коснея, утопая,
Мы, *парой* двоицу по-русски называя,
Писали для того, чтоб понимали нас,
Ну, к черту ум и вкус! пишите в добрый час! [Поэты..., с. 669].

Речь снова идет о Ширинском-Шихматове, который в стихотворении «Возвращение в отечество любезного моего брата...» (1810) писал:

Но кто там мчится в колеснице,
На резвой двоице коней,
И вся их мощь в его деснице?
Из конских дышащих ноздрей

Клубится дым и пышет пламень,
И пена на устах кипит...
[Поэты..., с. 412, 843].

Итак, с помощью цитат Гнедич дважды уподобляет Катенина Шишкинскому-Шихматову, которого он сам называл сыном Шишкова: «Верую во единого Шишкова, отца и вседержителя языка славеноваряжского... и во единого господина Шихматова, сына его едиnorodного, иже от Шишкова рожденного...» [Арзамас, 1994, с. 164]. Можно сказать, что основной пафос его рецензии заключается в установлении прямой связи творчества Катенина, младшего «архаиста», с традициями «Беседы». Установив такую связь, считает Гнедич, он эстетически уничтожает своего противника.

Ответ последовал незамедлительно и был остроумен, язвительен и беспощаден. Статью «О разборе вольного перевода бюргеровой баллады “Ленора”» написал начинающий литератор Грибоедов. Ее предварял латинский эпиграф, не предвещавший ничего хорошего врагу Катенина: «Несправедливость противной стороны вызывает справедливую войну».

Грибоедов обвиняет Гнедича, который не разумеет грамматики, логики, вообще не знает немецкого языка и не силен в русском. Среди замечаний Грибоедова важна защита той «трудности» языка, которая не нравилась Гнедичу: «...слово *турк*, которое часто встречается и в образцовых одах Ломоносова, и в простонародных песнях, несомненно для верного слуха г. рецензента, также и сокращенное: *с песньми*» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 254]. Здесь важна, с одной стороны, апелляция к высокому слогу (Ломоносов), к труднопроизносимым «сокращениям», что для старших архаистов являлось не недостатком, а достоинством. С другой стороны, не менее важно обращение к «народным песням» как к питательной почве поэтического языка. Народные песни высоко ценились в «Беседе», их внимательно изучали и Шишков; и Державин (подробнее об этом мы скажем позднее).

Опровергнув положения Гнедича и осмеяв его придирки, Грибоедов издевательски комментирует поэтическую систему «Людмилы». Он противопоставляет полную жизненных страстей, темпераментную Ольгу худосочной героине Жуковского. Гнедич стыдливо ужасается: «Невеста, которая говорит жениху о кровати и спрашивает: “В ней уляжется ль невеста?” – есть такая невеста, которая не может иметь места ни в каком подлиннике, ни в переводе» [Гнедич, 1816, с. 17]. Грибоедов отвечает (и это одно из самых остроумных и язвительных мест его статьи): «Стих “*В ней уляжется ль невеста?*” заставил рецензента стыдливо потупить взоры; в ночном мраке, когда робость любви обыкновенно исчезает, Ольга не должна делать такого вопроса любовнику, с которым готовится разделить брачное ложе? Что же ей? Предаться *тощим мечтаньям любви идеальной?* – Бог с ними, с *мечтаньями*; ныне в какую книжку ни заглянешь, что ни прочтешь, песнь или послание, везде *мечтанья*, а природы ни на волос» [Грибоедов, т. 2, с. 256]. Мы выделили курсивом слова, в которых Грибоедов нападает уже на всю посткарамзинскую школу и прежде всего – на Жуковского.

Идеи Грибоедова развил в статье «О направлении нашей поэзии особенно лирической...» (1824) верный соратник и даже ученик Грибоедова В. К. Кюхельбекер, называвший произведения младших карамзинистов *мутными, изнеженными, бесцветными* – у них все *мечта и призрак* [Кюхельбекер, 1979, с. 456].

Против Жуковского направлена вся вторая половина ответа Грибоедова Гнедичу. Грибоедов пишет о персонажах Жуковского с уничтожающей иронией. Яростную скорбь Ольги, ее грозные проклятия «Божьему промыслу» он противопоставляет блеклым жалобам Людмилы и резонно спрашивает: «...слова Людмилы <...> почти все дышат кротостью и смирением, за что ж бы, кажется, ее так жестоко наказывать?» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 259] Даже мертвец у Жуковского «слишком мил; живому человеку нельзя быть любезнее» [Там же, с. 260]. Умиротворенный пейзаж Жуковского никак нейдет к описываемым страшным событиям с оживающим мертвецом и разверстой могилой: «...дорогой Людмиле довольно весело, ей встречаются приятные тени, которые

Легким светлым хороводом
В цепь воздушную слились.
И вокруг нее
Поют воздушны лики,
Будто в листьях повилики
Вьется легкий ветерок,
Будто плещет ручеек [Там же, с. 262].

Кюхельбекер продолжил спустя восемь лет войну против сентименталистов-«новаторов», последователей Карамзина, и развил именно эти полные язвительной иронии замечания Грибоедова, имея в виду прежде всего Жуковского: «Картины везде одни и те же: луна, которая, разумеется, уныла и бледна... вечерняя заря; изредка длинные тени и привидения, что-то невидимое, что-то неведомое... и особенно же туман: туманы над водами, туманы над бором, туманы над полями, туман в голове сочинителя» [Кюхельбекер, 1979, с. 456, 748–749].

Гнедич своими цитатами уничтожающе сравнил Катенина с любимцем Шишкова – Шихматовым, которого, кстати, Кюхельбекер считал «поэтом, заслуживающим занять одно из первых мест на русском Парнасе». В ответ Грибоедов осмелел Жуковского, последователя и почитателя Карамзина, несомненного главу поэтической школы карамзинистов. Пародировал он его и позднее в «Горе от ума» в знаменитом «сне», о котором Софья рассказывает отцу. Там и явление мертвеца, «и черти, и любовь, и страхи, и цветы» (см.: [Грибоедов, 1988, с. 670; Кунарев, с. 199]).

Теперь становится понятным, почему именно после ответа Гнедичу В. Л. Пушкин назвал Грибоедова воспитанником «Беседы».

Следующее литературное выступление Грибоедова представляет собою развернутое сатирическое полотно, на котором с отнюдь не добродушной иронией изображены деятели карамзинской школы, начиная с ее основателя. Речь идет

о комедии «Студент» (1817), написанной Грибоедовым и Катениным: «...если учесть литературный фон, который пародируется в ней, то она против Жуковского, В. Л. Пушкина, А. С. Пушкина, и проч. и проч.» [Строганов, 1997, с. 185]. Роль Катенина в создании ее, как считает исследователь, была весьма незначительной [Фомичев, 2007, с. 334].

«Студент», видимо, является прямым продолжением полемики о балладе. Кажется, балладная тема возникает с появлением на сцене протагониста. Беневольский становится неким пародическим воплощением героя еще одной страшной баллады. На этот раз речь идет о Гете. Рассказ Евлампия Аристарховича очень напоминает первую строфу знаменитой баллады Гёте “Die Braut von Korinth”:

Nach Korinthus von Athen gezogen
 Kam ein Jüngling dort noch unbekannt,
 Einen Bürger hofft' er sich gewogen;
 Beide Väter waren gastverwandt,
 Hatten frühe schon
 Töchterchen und Sohn
 Braut und Bräutigam voraus genannt.

Вместо деревянного подстрочника напомним читателю более поздний (1867) прекрасный перевод А. К. Толстого, вполне адекватно для наших целей передающий содержание баллады:

Из Афин в Коринф многоколонный
 Юный гость приходит, незнаком, –
 Там когда-то житель благосклонный
 Хлеб и соль водил с его отцом;
 И детей они
 В их младые дни
 Нарекли невестой с женихом [Толстой, 1969, с. 580].

Беневольский явился в русскую столицу не из Афин, а из Казани. М. Л. Майофис обратила внимание, что Беневольский учился в университете по планам, составленным С. С. Уваровым, членом «Арзамаса», с установкой на «широту и энциклопедичность» образования («политическая история, политическая экономия, право естественное, право народное» и пр.) и приехал из Казанского университета, «находившегося в ведомстве почетного члена „Арзамаса“ М. А. Салтыкова» [Майофис, 2008, с. 277, 306]. Так что Казань с ее университетом можно назвать «татарскими Афинами» по аналогии с более поздним прозвищем Петербурга «чухонские Афины», как называл Петербург Н. Ф. Щербина, указывая место издания своей книги «Сатирическая летопись. Ямбы, ксении и эпиграммы»: Чухонские Афины, 1861–1869.

Отец протагониста, как у Гете, тоже дружил, правда, не с отцом, а с опекуном его предполагаемой невесты. При этом старшее поколение (в отличие от поэтического мира древней Греции) изображается заземленным,

конкретным, с бюрократическими мелочами русской действительности: «Его превосходительство (Звёздов, в дом которого приехал Беневольский. – М. А.), в бытность свою в Казани познакомился с покойным моим отцом, который предложил ему свои услуги, имел хождение за его делами. С тех пор они друг другу дали клятву в дружбе неизменной и утвердили <...> чтобы прелюбезную девицу (воспитанницу Звёздова. – М. А.) <...> мне назначил он <...> спутницу жизни...» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 47].

Если наше предположение справедливо, мы сразу попадаем в ситуацию, пародирующую зловещую балладу Гете, что должно напомнить читателю и зрителю только что состоявшуюся баталию вокруг «Леноры». Только там к невесте приезжал мертвый жених, а у Гете мертвая невеста является к жениху. В соответствии с пародической установкой автора невеста в комедии Грибоедова окажется живехонькой, а новоявленный жених для нее «противнее смерти» [Там же, с. 88].

Итак, комедия начинается с появления на сцене студента Евлампия Аристарховича Беневольского. По убедительному мнению В. А. Кошелева, прототипом его является Батюшков [Кошелев, 1989]. Беневольский олицетворяет искусственную, нарочитую, книжную среду, о которой говорил Грибоедов, споря с Гнедичем. Это балладный мир арзамасцев, где мертвецы вежливы, тени усопших сплетаются в «легкий светлый хоровод», а природа тихо плещет ручейком и веет нежным ветерком.

Буквально с первых страниц пародируется глава «новаторов», кумир «арзамасцев» – Карамзин. Свою еще ни разу не виденную невесту восторженный студент описывает так: *невинность, ангел, существо небесное* [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 47]. Ср. слова помешавшегося на сентиментализме и особенно на «Письмах русского путешественника» графа Пронского из комедии Шаховского «Новый Стерн» (1805): «восхитительная невинность», «ангел, сошедший с эфирной высоты» [Шаховской, 1961, с. 741].

Едва войдя в дом, студент вынимает тетрадь и, как знаменитый русский путешественник, начинает заносить в нее путевые впечатления, перефразируя и переиначивая слова своего кумира. При этом он незамедлительно попадает в ситуации, описанные на первых страницах «Писем русского путешественника». Карамзин приезжает в Ригу, коляска сломалась, «пришел какой-то Полицейский и начал шуметь, что кибитка моя стояла посреди дороги» [Карамзин, 1984, с. 7]. Студент приезжает в Петербург, оставляет экипаж возле дома своего покровителя. Входит слуга Федька: «...вашу повозку совсем угонят <...> бутושники, что ли, али полиция, говорят-де, не велено на больших улицах дорожным становиться» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 76, 410].

Продрогшего путешественника приглашают в дом. «Я одет слишком дорожному весь мокр», – отвечает тот и слышит в ответ: «На платье дорожных кто смотрит» [Карамзин, 1984, с. 8]. Беневольский хочет переодеться перед появлением хозяев дома. Федька отвечает: «К чему вам переодеваться! С вас не взыщут; вы человек приезжий» [Грибоедов, т. 2, с. 50, 410]. Такие реминисценции, цитирования Карамзина раскиданы по всей пьесе.

Литературная пародия, веселая и безжалостная игра с литературными противниками набирает обороты. Раскладывая свои пожитки на полу гостиной, Беневольский с пафосом читает известные стихи Батюшкова, слегка их переиначив (может быть, сочинители комедии цитировали их по памяти). Свои чемоданы и баулы приезжий студент уподобляет изображениям римских домашних божеств:

О Лары и Пенаты!
 Вы пестуны мои!
 Вы золотом не богаты;
 Но любите свои
 Углы и темны кельи,
 Где я на новосельи
 Вас мирно тут и там
 Расставил по местам [Там же, с. 81, 413].

Ср. начало стихотворения Батюшкова «Мои Пенаты» (1811–1812):

Отечески Пенаты,
 О пестуны мои!
 Вы золотом не богаты,
 Но любите свои
 Норы и темны кельи,
 Где вас на новосельи
 Смирненно здесь и там
 Расставил по углам... [Батюшков, 1989, т. 1, с. 207].

Послание Батюшкова к Вяземскому и Жуковскому пользовалось громадной популярностью и не отличалось лаконичностью: 316 стихов. Жуковский отвечал громадным, вдвое большим (678 стихов) посланием «К Батюшкову». Это послание тоже обыгрывается в комедии: Беневольского зовут в трактир, и он отвечает почти точной цитатой из Жуковского:

И стукнем в чашу чашей
 И выпьем всё до дна:
 Будь верной дружбе (у Жуковского: *музе.* – М.А.) нашей
 Дань первого вина [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 82, 413].

А ранее цитирует знаменитого «Певца во стане русских воинов» Жуковского: «О всемогущее вино! Веселие героя!» [Там же, с. 81, 413]. Эта цитата резко снижает и унижает величественную атмосферу «Певца во стане русских воинов». Там была «тишина бранного поля», «огни между шатрами», герои запивали вином «с падшими разлуку», а здесь совершенно мирная и не героическая ситуация.

Следует заметить, что в уже упомянутой статье Кюхельбекера осмеиваются те же самые произведения Жуковского и Батюшкова, в которых авторы утомляют читателя описанием своей библиотеки («Мои пенаты») или «швабских гусей» («К Батюшкову») [Кюхельбекер, 1979, с. 455, 748].

Достается в пьесе и В. Л. Пушкину. Студент называет себя «сыном волжских берегов» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 52, 410], цитируя популярное стихотворение В. Л. Пушкина «К жителям Нижнего Новгорода», в котором эти слова повторены семь раз:

Примите нас под свой покров,
 Питомцы Волжских берегов [Пушкин, 2005, с. 155].

Напыщенно сентиментальные тирады незадачливого «жениха» заставляют слушателей в испуге восклицать: «Он с ума сходит». «Невеста» же небрежно роняет: «Помилуйте, с чего ему сойти?» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 58, 412]. Это скрытая цитата из первой редакции (1814–1817) «Дома сумасшедших» Воейкова, где в ряде списков двенадцатой строфы упоминается В. Л. Пушкин (впрочем, в большинстве списков эти стихи относятся к Д. И. Хвостову):

Пушкин ты? – к нему вошедши
Вскликнул я, – Тебе ль здесь быть?
Ты дурак – не сумасшедший,
Не с чего тебе сходить [Поэты..., с. 795, 799].

Легкая оплеуха перепадает А. С. Пушкину, как раз в это время оканчивающему Лицей, но уже члену «Арзамаса». «У нас столько своих пленительных мелодий певцов своей печали», – замечает Беневольский. «Пускай они сами свои печали поют», – отвечает поэту гусар Саблин [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 93, 413]. Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Певец», только что напечатанное в «Северном наблюдателе» в 1817 г.:

Слыхали ль вы за рощей в час ночной
Певца любви, певца своей печали?

Итак, мы видим, что вся комедия наполнена цитатами, явными, полускрытыми, скрытыми, из Карамзина, Батюшкова, Жуковского, В. Л. Пушкина, А. С. Пушкина. Часто мы не знаем, декламирует ли Беневольский якобы свои тексты или цитирует любимых авторов. Однако в конце пьесы он читает ничего не понимающему слуге явно свои стихи, избилующие сентиментально-романтическими штампами, которые должны подвести итог сказанному и осмеять литературную деятельность карамзинистов-арзамасцев: *мечта, печаль, сумрачная даль, душа, чувство, бурные туманные думы, любовь, надежда-улада, томный взор*, особенно характерная для Жуковского субъективация прилагательных и соединение их с вещественными существительными («...Я беспредельный мир / Слию с непостижимым?») и т. д. и т. п. [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 94–96].

Это как раз тот поэтический язык, в котором Кюхельбекер отметил «пошлые иносказания, безвкусные олицетворения»: «Из слова же русского, богатого и мощного, сияется извлечь небольшой, благопристойный, приторный, искусственно тощий, приспособленный для немногих язык, un petit jargon de coterie» [Кюхельбекер, 1979, с. 457].

4

Кажется, у нас есть возможность ознакомиться с эстетическими взглядами Грибоедова и с его литературными предпочтениями как раз в то самое время, когда шла полемика о «Леноре» и писалась комедия «Студент». В 1817 г. в журнале «Северный наблюдатель» № 2 (июль) был опубликован фельетон «Знатоки, или история одного дня», подписанный «М<ихаил> З<агоски>н. Житель Лиговского канала».

Последние несколько страниц этого обширного нравоописательного очерка изображают некоего «молодого человека», который излагает свои

литературные взгляды на приеме во вторник у некоего графа. Загоскин в эту пору находился в крупной ссоре с Грибоедовым, на подробностях которой мы останавливаться не будем. В. П. Мещеряков предположил, что в этом фельетоне дан явно отрицательный «литературный портрет Грибоедова и весьма подробно излагаются его эстетические взгляды». Он же отметил, что вторник упомянут Загоскиным, видимо, не случайно, так как это был приемный день у А. С. Шишкова [Мещеряков, 1983, с. 43].

Загоскин говорит, что «молодой человек, одарен непостижимою гибкостью языка» [Загоскин, 1817, с. 58]. Основной его тезис – полное отрицание каких бы то ни было достоинств французской литературы. Один из гостей пытается защитить французов: «Можно ли говорить с таким презрением об учителях наших, о писателях, которые служат нам образцами?» [Там же, с. 60]. «Молодой человек» походя отмечает это возражение: французская литература вторична, представляет собою слабое подражание классическим образцам и зачастую звучит как пародия на античных авторов. Она «одна из самых беднейших; лучшие их писатели – жалкие школьники в сравнении с древними» [Там же, с. 59]. «Лафонтен! Но что бы он был без Езопа, Федра и Пильпая? – Он всем обязан древним... Буало никогда не был истинным поэтом; он отделял стихи свои как художник; вымеривал их циркулем; писал по мачтабу... Делиль – сантиментальная плакса, сладкий пастушок, который описывал поля и леса, сидя в своем кабинете... я охотно отдал бы все пастушеские и метафизические поэмы Делиля за один стих из Вергилия. ... Прежалкие трагедии (Расина. – М. А.). Что такое Расинов Ахиллес? Французский петиметр; *храбрец*, который беспрестанно творит и делает *гасконады*. Берениса – *сенсиментальная* француженка двора Людовика XIV. Федра – *кокетка*. – О! как удивились бы Греки, если бы увидели, какими сделал их Расин. Эти Греческие трагедии показались бы им пародиями, – и Греки были бы правы. <...> Вольтер?.. Могут ли нравиться трагедии, в которых Магомет филозофствует, как Дидерот; а Турецкий Султан рассуждает о любви, как страстные любовники в романах Г-жи Скюдери. <...> Мольер старался подражать Плавту; но как далеко оставил его позади себя Аристофан» [Там же, с. 60–61].

Рассуждения «молодого человека» (мы можем принять с большой долей вероятности, что это, пусть и несколько утрированные, но действительно рассуждения Грибоедова), конечно, являются отголоском известного спора «старых и новых», но для нас сейчас они интересны тем, что вызывают явные ассоциации со знаменитыми «Письмами из Москвы в Нижний Новгород» И. М. Муравьева-Апостола, члена «Беседы любителей русского слова» (с 1812 г. председателя ее четвертого разряда). «Письма» печатались в 1813–1815 гг. в журнале «Сын отечества» и в 1817 г. были еще у всех на памяти. Они вызвали общий восторг у всех патриотически настроенных читателей, разделявших идеи «беседчиков» [Муравьев-Апостол, 2002, с. 206–209; Альтшуллер, 2007, с. 335]. В четвертом «Письме» спорят двое друзей со значимыми именами: Неотгин и Археонов, последний – выразитель авторских идей.

Неотин говорит о французах почти так же, как противник «Молодого человека» у Загоскина: литература французов «перед всеми прочими, изобилует примерными произведениями <...> французам принадлежит пальма первенства во всех родах словесности <...> <они> показали путь, по которому, вслед за ними, можем и мы дойти до совершенства» [Муравьев-Апостол, 2002, с. 20–21]. Весьма вероятно, что прототипом Неотина был В. Л. Пушкин, о котором Батюшков в письме к Е. Г. Пушкиной от 3 мая 1814 г. писал: в Париже «спорил до слез с Муравьевым о преимуществе французской словесности» [Батюшков, 1989, т. 2, с. 282].

Археонов противопоставляет французам англичанина Шекспира, немца Шиллера, итальянца Альфиери. Молодой человек у Загоскина тоже предпочитает итальянцев французам: «похвалил мимоходом Данте, поругал слегка <!> Тасса» [Загоскин, 1817, с. 59]. И далее мы видим, что оценки Молодого человека очень похожи на размышления Археонова, который считает французов слепыми подражателями античных авторов, единственное достоинство которых заключается в «прекраснейшем механизме стиха». И далее Муравьев замечает, что «на афинском театре греки бы расхохотались, если бы услышали его (Ипполита. – М. А.), открывающегося в любви к Арисии» в «Федре» Расина. Вспомним замечание Молодого человека, что трагедии Расина – пародия на греков. Истоки этого отношения к французской культуре, утверждения ее вторичности, подражательности восходили к «Рассуждению о старом и новом слоге российского языка» (1803) Шишкова, который «бесплодной, болотистой земле» французской культуры противопоставил древний славянский язык, выросший на плодородной почве греческого, на котором витийствовали Гомеры и Пиндары [Шишков, 1824, с. 1–3].

Загоскин, видимо, адекватно изложил позицию Грибоедова: «чуть ли не стенографирует обширную эстетическую программу юного литератора» [Мещеряков, 1983, с. 44]. Сходные мысли высказывает Талантин (Грибоедов) в очерке Ф. В. Булгарина «Литературные призраки» (1824). Герой очерка Булгарина пренебрежительно отзывается о французских поэтах Парни и Ламартине (подражание им «есть диплом на безвкусию»), считает необходимым, как Шишков, «читать священные и духовные книги, древние летописи, собирать народные песни и поговорки», изучать не только европейскую, но восточные литературы [Булгарин, 1990, с. 661, 665–666].

Кюхельбекер в статье «О направлении нашей поэзии...», противопоставляет оригинальных гениев Данте, Гете, «огромного Шекспира», бесцветным элегикам-подражателям, ругает за изучение поэзии народной, говорит о вторичности Расина и Вольтера в сопоставлении с их учителями – греками [Кюхельбекер, 1979, с. 456, 458]. Напомним, что Булгарин и Кюхельбекер были друзьями и поклонниками Грибоедова.

В следующих своих произведениях Грибоедов, покончив с собственно литературными баталиями, переходит к проблемам историософским, и тут становится особенно явственной связь его размышлений с позициями старших архаистов.

В гениальной комедии Грибоедова нас интересует только один мотив: размышления Грибоедова о русском народе и особом историческом пути России. В этой связи мы остановимся только на знаменитом монологе Чацкого в конце третьего действия. Композиционно он является идеологическим центром всей комедии и выражает важнейшие мысли самого автора. «Конец третьего действия <...> является одним из идейных центров пьесы» [Тынянов, 1968, с. 367]. В течение всей работы Грибоедова над «Горем от ума» этот монолог не претерпел практически никаких изменений.

Можно выделить три основных мотива в этом монологе.

Первый. Разрыв между образованной частью населения и народом. У народа свой путь: он «бодрый», «умный». У него свои «нравы», «язык», собственная величественная история – «старина святая». Народу противостоят *мы* («нас удержать <...> от жалкой тошноты по стороне чужой»), т.е. русские дворяне, высший образованный слой общества. Народу и *нам*, если *мы* хотим быть частью этого народа, не нужны (или опасны) чуждые, западные влияния. Разрыв между народом и *нами* доходит до того, что русские люди даже говорят на разных языках. Народ на своем родном, а *мы* для него – иностранцы («хотя по языку *нас* не считал за немцев»). Развивая эту мысль, Грибоедов договаривается до стены (китайской), которую хорошо бы воздвигнуть между Россией и западом:

Хоть у китайцев бы нам несколько занять
Премудрого у них незнания иноземцев...

Впрочем, о стене мечтал и Шишков в своих «Манифестах»: «Прервав с ним (французским народом. – М. А.) все нравственные связи, возвратиться к чистоте и непорочности наших нравов <...>. Должно единожды решиться между злом и добром поставить *стену*, дабы зло не прикоснулось к нам...» [Шишков, 1870, с. 442].

Мысль о разрыве между простым народом и образованной дворянской верхушкой едва ли не первым с предельной остротой и горечью развил именно Шишков в книге «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». Он сурово осудил своих соотечественников за презрение к народному быту, обычаям, нравам и противопоставил две социальные группы: *мы* – образованное сословие, и *они* – простой народ: «Просвещение не в том состоит, чтобы презирать тех, которые ходили прежде или ходят еще и ныне с бородами (ср.: «смешные, бритые, седые подбородки») <...> мы выучились танцевать миноветы, но за что же насмехаться нам над сельскою пляскою бодрых и веселых юношей (ср.: «бодрый, умный... народ»), питающих нас своими трудами? Они так точно пляшут, как, бывало, плясывали наши деды и бабки (ср.: «старину святую»). Должны ли мы, выучась петь итальянские арии, возненавидеть подблюдные песни? Должны ли о святой неделе изломать все лубки для того только, что в Париже не катают яйцами?» [Шишков, 1824, с. 458–459].

Во-вторых, Чацкий осуждает рабское подчинение образованного сословия чужеземным обычаям, нравам и модам. Вокруг «французика из Бордо», собирается восторженная толпа почитателей, «род веча». Сравнение это представляется не случайным. Для младшего поколения «архаистов», для декабристов вечевые города-республики древней Руси были как раз тем образцом именно русской «святой старины», на который следовало ориентироваться, противопоставляя его обюрокращенной по западному образцу современной русской монархической системе. Ср. наброски думы «Вадим» у Рыльева и тоску о прошлом у Лермонтова: «Твой стих, как Божий дух, носился над толпой; / И отзыв мыслей благородных / Звучал, как колокол на башне вечевой / Во дни торжеств и бед народных». Число примеров легко значительно умножить. Вместо «бодрого и умного» народа, решавшего свою судьбу на площадях, нынешнее смешное «вече» собирается вокруг жалкого «французика из Бордо». Толпа заглядывает ему в рот и жадно ловит каждое его слово только потому, что он француз. Возможно, упоминание центра виноделия, города, давшего свое название популярному сухому вину, здесь не случайно, и «французик» отнюдь не принадлежит к интеллектуалам, или аристократам: «Не в качестве ли виноторговца, содержателя питейного заведения явился в Москву этот бордосец, не с комиссиями ли по винному делу?» [Кунарев, с. 598].

О современных французах, наводняющих Россию, парикмахерами и учителями с яростью и негодованием писал Муравьев-Апостол, чьи «Письма из Москвы в Нижний Новгород» являлись важнейшим идеологическим документом «Беседы»: «Не помню, кто-то умный человек сказал: “Возьми француза наудачу, перегони его в кубе, выйдет – парикмахер”. Я всегда соглашался с этой мыслию и с тех пор, как чувствую себя, презирал *нынешних* французов всеми силами души моей. Не говорю я о том, что они были при св<ятом> Людовике, о просвещении в век Людовика XIV: это для меня древняя история. С тех пор, как я себя помню, французы представлялись мне то мятежными гражданами, то подлыми и низкими рабами» [Муравьев-Апостол, 2002, с. 14–15].

Грибоедов очень хорошо знал книгу Муравьева. Именно из нее пришла в «Горе от ума известная реплика о «смешеньи языков», «французского с нижегородским», на котором говорят полуобразованные дворяне: «Все лепечут каким-то варварским диалектом, который они почитают французским <...> Войди в любое общество: презабавное *смешение* языков» [Там же, с. 62–63] (см. об этом: [Кошелев, 1994]).

Чацкому вторит умный Фамусов. Если Чацкий назвал «французиком» *виноторговца* из Бордо, а Муравьев считал *нынешних* французов парикмахерами, то для Фамусова они просто *побродяги*:

Дались нам эти языки!
Берем же побродяг и в дом, и по билетам,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! И пенью! И нежностям! И вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам.

При всем различии общественных и политических взглядов Чацкого и Фамусова между старшим и младшим поколением «архаистов», как мы видим, существуют достаточно существенные общие идеологические точки. Эта близость проявляется и в некоторых других сходных суждениях.

Приехавший в Россию француз в образованном дворянском обществе «ни звука русского, ни русского лица не встретил». Для русских дворян чужая страна гораздо лучше России: «Ах! Франция! Нет в мире лучше края!» И Чацкий, несомненный рупор авторских идей, запальчиво обвиняет своих современников в разрыве с отечественной культурой, желая,

Чтоб истребил Господь нечистый этот дух
Пустого, рабского, слепого подражания;
Чтоб искру заронил он в ком-нибудь с душой
Кто мог бы словом и примером
Нас удержать, как крепкую возжой,
От жалкой тошноты по стороне чужой.

Ничтожество французской культуры (по сравнению с русской) является основным тезисом книги Шишкова «Рассуждение о старом и новом слоге Российского языка». Французский язык «вламывается насильственно» в русскую жизнь, потому что «дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся в руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий» [Шишков, 1824, с. 5, 3, 6].

Разумеется, борьба с галломанией, осмеяние бездумного подражания чужеземцам (французам) начались не с Шишкова. Этими темами полны журналы Новикова, письма и пьесы Фонвизина. Но мы вовсе не хотим сказать, что Грибоедов заимствовал свои взгляды у писателей XVIII в. и старших архаистов, речь идет о развитии и преемственности идей: для этого мы показываем их сходство.

Наконец, следует остановиться на внешнем различии между высшим сословием и народом, которому у Грибоедова уделено существенное внимание. Это различие во внешнем виде, в одежде особенно подчеркивает трагический разрыв, полное взаимонепонимание между двумя социальными слоями. Народ, с точки зрения Грибоедова, одет естественно и удобно, как одевался и в старину, в «величавую одежду». Дворяне на иностранный манер облачают себя

По шутовскому образцу:
Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,
Рассудку вопреки, наперекор стихиям;
Движенья связаны и не краса лицу.
О том же говорит и Фамусов:
... вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы;
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас Творец
От шляпок их! Чепцов! И шпилек! И булавок!..

Существенное внимание на различие в одежде обращает и Шишков: «...не для того надели <мы> короткое немецкое платье (ср.: «как платье, волосы, так и умы коротки»). – М. А.), дабы гнушаться теми, у которых длинные зипуны <...> купец ходит в длинном кафтане, а дворянин в коротком» [Там же, с. 459, 461]. Шишков примирительно относится к различию в привычках различных социальных слоев. Будучи противником всяких социальных потрясений, он призывает разные сословия к взаимной терпимости: «...купецкая жена любит баню, знатная госпожа ванну. Пускай всякий делает по-своему, но не должно презирать ни дворянину купецких обычаев, ни купцу дворянских» [Там же, с. 461, 462].

Грибоедов высказывается гораздо агрессивнее в своем безусловном предпочтении истинно русского быта – заимствованному, подражательному, дворянскому. Отношение к русскому национальному платью было существенным моментом в системе взглядов радикально настроенной интеллигенции. Не случайно Грибоедова на допросе спрашивали: «в каком смысле и с какою целью вы, между прочим, в беседах с Бестужевым, равнодушно желали русского платья <...>?»

Грибоедов, в отличие от Шишкова, желал изменения существующих в дворянском обществе обычаев и отвечал вполне искренне: «Русского платья желал я, потому что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова *сблизило нас с простою отечественных нравов, сердцу моему чрезвычайно любезных*» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 356, 358].

Впрочем, дворяне 1820-х гг. еще не решались переодеваться в народное одеяние (фанфаронада Пушкина на ярмарке в Святых Горах не в счет). Это произошло лишь несколько десятилетий спустя, когда славянофилы стали демонстративно носить бороды, мурмолки, кафтаны, зипуны, которые превратились в зримые знаки влиятельного общественного движения [Кошелев, 2000, с. 375–372].

«Горе от ума» – очень пессимистическая пьеса. Чацкий уезжает побежденным и осмеянным. Всё в московском (российском) обществе остается по-прежнему устойчивым. И столь же неодолимым остается разрыв между народом и образованным слоем общества, интеллигенцией. Так думал и чувствовал Грибоедов еще до роковых событий 14 декабря. После Сенатской площади это стало тем более очевидным.

6

После завершения «Горя от ума», после восстания 14 декабря, после своего недолгого тюремного заключения Грибоедов написал небольшой очерк «Загородная поездка». В этой публицистической статье он с предельной ясностью выразил свое отношение к рассматриваемым нами проблемам. «Загородная поездка» описывает прогулку автора по Петербургским окрестностям (Парголово). В самом начале Грибоедов выражает свое явное отвращение к северной столице: «Подальше от шума, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц. Куда-нибудь, где воздух реже, откуда груды зданий в неясной дали слились бы в

одну точку, весь бы город представил из себя центр отменно мелкой, ничтожной деятельности, кипящий муравейник» [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 275].

Петербург с однообразием его улиц и площадей явно противопоставлен здесь старинной живописной Москве, а вся бюрократическая возня многолюдной столицы, подобной муравейнику, названа мелкой и ничтожной. Тынянов справедливо писал: «Петербург не существовал для Грибоедова. Город чиновников, цензоров, дворца не решал ни одного грибоедовского вопроса [Тынянов, 1968, с. 74]. Чуждая народному сознанию и мироощущению столица была построена там, где, по остроумному замечанию А. И. Герцена, «город построить было нельзя». А построил ее Петр I на таком гиблом месте для того, чтобы «прорубить окно в Европу», по позднейшему выражению Пушкина, т.е. для того, чтобы сблизить Россию с западом, что, по мнению Грибоедова, вовсе не было благом для его страны.

И действительно, отношение Грибоедова к царю-преобразователю было отнюдь не апологетическим. Он пишет Бегичеву о Петре 18 сентября 1818 г.: «...я zelo на него и на его колбасников сержусь» [Грибоедов, 2006, т. 3, с. 21]. **В конспекте «Деяний Петра Великого, мудрого преобразителя России...» И. И. Голикова** Грибоедов отмечает его жестокость («Тайная канцелярия», «Заточение жены в Суздальский монастырь, убиение сына» – последний факт Грибоедов упоминает несколько раз), наушничество («Слуги доносят на господ своих, на тех, напр<имер>, которые, запершись в комнате, пишут», «Донос офицеров на Голицына»), брадобритие, против которого восстает он в «Горе от ума» и в конспекте: «Из письма Петра: **большие бороды нынче не в аванже обретаются**» [Там же, с. 365–367]. Рассказывая Бегичеву 31 января 1819 г. о своей поездке по Кавказу, Грибоедов пишет, что переводчик Шемир-Бек сожалеет, что, побывав восемь раз в Персии, он никогда не видел Петербурга. «Не той дорогой мы взяли», – отвечает Грибоедов [Там же, т. 2, с. 295]. Может быть эта «смешная глупость» означает не только нелепое сожаление (едучи на юг, в Персию, думать о поездке в противоположную сторону), но и некоторую внутреннюю иронию: царствованием Петра, строительством Петербурга – не туда Россия заехала.

Вернемся, однако, к «Загородной поездке». На фоне скудной природы автор замечает несколько простолудинов, собравшихся на праздник. Он слышит их песни и удивляется, как в эту чуждую землю занесло настоящее русское народное искусство:

<...> вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские <...> Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги! <...> место было уже наполнено белокуроыми крестьяночками в лентах и бусах, другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. <...> Песни не умолкали; затянули: **Вниз по матушке, по Волге**; молодые певцы присели на дерн и дружно грянули в ладоши, подражая мерным ударам весел; двое на ногах оставались: Атаман и Есаул. Былые времена! Как живо воскрешает вас в моей памяти эта народная игра: тот век необузданной вольности, в который несколько удальцов бросались в легкие струги, спускались вниз по протоку Ахтубе, по Бузан-реке, дерзали в открытое море, брали дань с прибрежных городов и селений, не щадя ни красоты девичей, ни седины старческой. И, по словам Шардена, в роскошном Фируз-Абате угрожали блестящему двору шаха

Аббаса. Потом, обогатясь корыстями, несметным числом шалей узорчатых, серебра и золота, и жемчуга окатного, возвращались домой, где ожидали их любовь и дружба; их встречали с шумною радостью и славили в песнях [Там же, с. 276–277].

Фольклор играл существенную роль в формировании общественных взглядов «Беседы». Шишков в «Разговорах между двумя лицами Аз и Буки» (1811) создал первую по времени классификацию основных поэтических средств русского фольклора, описание его поэтики [Азадовский, 1958, с. 146]. Державин занимался тщательным изучением русских песен и былин (подробнее нашу точку зрения на фольклорные штудии «Беседы» см.: [Альтшуллер, 2007, с. 272–290]). Шишков называл фольклор «вторая словесность наша». С его точки зрения, на основе славянского языка церковной литературы создаются произведения, обладающие «высотой и крепостию», а функцию изображения внутреннего мира человека, нежных движений души должна взять на себя не сентиментальная литература, опирающаяся на европейские традиции, а литература, ориентированная на фольклор с его «приятным» языком и «сладким для сердца и чувства красноречием». Кстати сказать, именно фольклорную поэтику своей «Ольги» противопоставлял Катенин сентиментальному настрою «Людмилы».

Грибоедов тоже видит в фольклоре адекватное выражение народного духа, бытия и сознания. Для него чужеземный Петербург с его окрестностями не является естественной средой, в которой должны бытовать народные песни: «Родные песни! Куда занесены вы...» И Шишков, восхищенно цитируя песню «На восходе ясна солнышка», где «молодец ходил по бережку», опускает строку, в которой поясняется, что молодец ходил по «бережку Невы реки». По-видимому, считал он, не следует русскому «добру молодцу» ходить по берегу чуждой реки в чужом городе.

Вообще для Шишкова фольклорный мир (не испорченный последующими искажениями) представляет собою некоторую идеальную утопическую картину русской жизни. И он тщательно удаляет из своего исследования всё противоречащее этой народной идиллии. Так, рассказывая о гибели «добра молодца»: «из ребер его проросла трава, / Ясны очи песком засыпались», – Шишков ни словом не упоминает, что погиб этот «добрый молодец» от беспробудного пьянства по «царевым кабакам» в компании «бурлаков и ярыг». Восхищаясь популярной песней «Что повыше было города Царицына / Что пониже было города Саратова», он не говорит, что речь идет об убийстве «царского посланника Карамышева» или (в другом варианте) князя Меньшикова. В другой песне опускаются угрозы холопа барыне: «самоё тебя убью» и пр. [Шишков, 1824, с. 276–278].

Для Грибоедова, как и для Шишкова, фольклор воплощает самобытную, оригинальную, не затронутую чужеземными влияниями душу народа. Но эта народная сущность вовсе не похожа на ту, которую создавал в своих утопических построениях Шишков, считавший, что в русском народе «не было никогда иных нравов, кроме благочестивых, уважающих всегда человеколюбие, гостеприимство, родство, целомудрие, кротость и все христианские, нужные для общежития

добродетели» [Шишков, 1870, с. 326]. Грибоедов вовсе не склонен видеть в народе идеальное воплощение добронравия, чистоты, смирения и кротости. Он восхищается «смелыми чертами и вольными движениями» простолюдинов. В его рассказе о народном гулянии основное место занимает описание народной драмы «Лодка».

Это одно из самых распространенных народных представлений в основе которого – рассказ Атамана о своих разбойничьих подвигах:

Кой там черт воевода!
 Будь их там сто или двести —
 Всех их положим вместе!
 Я их знаю и не боюсь,
 А если разозлюсь,
 Еще ближе к ним подберусь.
 Эй, молодцы, жги, пали
 Богатого помещика! [Русская народная драма, 1953, с. 146, 149].

П. Н. Берков справедливо пишет, что «в “Лодке” разбойники жгут и палят усадьбу помещика, с презрением говорят о полиции и проявляют, хотя и в жестокой и грубой форме, свой резкий протест против существующих порядков» [Там же, с. 24]. В этом народном игрище, несомненно, изображались деяния знаменитого бунтовщика Степана Разина, и Грибоедов, глядя на представление, вспоминает «век необузданной вольности», когда шайки Степана Разина разорили города персидского шаха Аббаса. Однако то было в далеком прошлом. Нынешние простолюдины не похожи на прежних удалцов. «Былые времена!» – восклицает автор и обращает взор на людей своей социальной страты.

Это самые важные для нас строки – идеологический центр небольшого очерка. Грибоедов вновь формулирует важнейшую для русской истории после Петра проблему: не просто отрыв, а пропасть между интеллигенцией (у Грибоедова еще дворянской интеллигенцией) и народом:

Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей-наблюдателей, тот поврежденный класс полу-европейцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико всё, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невяжны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими. Финны и тунгусы скорее приемлются в наше собратство, становятся выше нас, делаются нам образцами, а народ единокровный, наш народ разрознен с нами и навеки! <...> иностранец <...>, конечно, бы заключил из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племен, которые не успели еще перемешаться обычаями и нравами [Грибоедов, 1999, т. 2, с. 277].

Шишков тоже сокрушался о различиях между дворянином и простолюдином, но принимая этот уже совершившийся факт, призывал к некоему (марксисты сказали бы) «классовому» миру между сословиями: «Пускай всякий делает по-своему, но не должно презирать ни дворянину купецких обычаев, ни купцу дворянских». Грибоедову ситуация представляется гораздо трагичнее, мрачнее и неразрешимее: назад пути нет, гармония между столь противоположными общественными стратами и в будущем невозможна. Может быть, в этих размышлениях сказался и жестокий опыт только что свершившегося бунта на Сенатской площади. Обманутые солдаты кричали ура – Константину и

жене его Конституции, а дворяне-офицеры бунтовали во имя каких-то не очень им самим ясных целей, для свершения которых у них не было даже сколько-нибудь определенных планов.

7

В бумагах Грибоедова сохранился план и небольшой отрывок драмы под условным названием «1812 год». Он мог быть написан в разное время от 1822 до 1828 г., поскольку находился в разных частях не дошедшей до нас черновой тетради. Мы заключим наш беглый обзор этой небольшой, но чрезвычайно интересной записью Протагонист ненаписанной (или утраченной) пьесы – крепостной М*. Все симпатии Грибоедова находятся на стороне народа: «великие подвиги», «всеобщее ополчение без дворян. (Трусость служителей правительства – выставлена или нет, как случится)» [Там же, с. 202].

Снова возникает тема о великом предназначении русского народа. На этот раз размышления о его величии передаются Наполеону, который называет русский народ «юным» (с точки зрения француза, русские как нация, естественно, много моложе галлов, прямых наследников римлян): «Н<аполеон> один. <...> Размышления о юном, первообразном сем народе, об особенностях его одежды, зданий, веры, нравов. Сам себе преданный, – что бы он мог произвести?» [Там же, с. 201–202]. Размышления «Наполеона» перекликаются с высказываниями Чацкого («бодрый», «добрый»), с мыслями самого Грибоедова об одежде, нравах, игрищах простолюдинов. «Наполеон» отмечает своеобразие русской культуры от архитектуры до веры (хотя и христианской, но православной). Особенно важна последняя фраза размышлений: «сам себе преданный...» По всей видимости, речь идет о подавлении созидательного народного духа угнетателями этого народа, «поврежденным классом полуевропейцев», в зависимости от которого находится народ.

В своих манифестах Шишков яростно обрушивался на галломанию образованных соотечественников, что, наверняка, вызывало у Грибоедова полное сочувствие: «Долго мы заблуждались, почитая народ сей (французов.– М. А.) достойным нашей приязни, содружества и даже *подражания* (ср.: “слепого рабского пустого подражания”). Мы любовались и прижимали к груди нашей змею, которая, терзая собственную утробу свою, проливала к нам яд свой» [Шишков, 1870, с. 442]. Однако в соответствии со своей государственной идиллией Шишков не может допустить никаких противоречий между народом и дворянами. Как бы ни увлекались господа чужеземными идеями и нравами, в их отношениях с подданными всегда будет (по крайней мере – должна) существовать гармония. И Шишков с умилением предвидит возвращение этих идиллических отношений и считает, что мужики, вступившие в ополчение, «по изгнании неприятеля из земли нашей» должны «возвратиться с честью и славою в первобытное свое состояние и к прежним своим обязанностям» [Там же, с. 428]. Грибоедов же никаких идиллических отношений между двумя стратами, столь не похожими друг на друга, увидеть не может: господа и крестьяне принадлежат к двум различным

«племенам». В эпилоге драмы действительно происходит возвращение «в первобытное состояние», но ни «чести», ни «славы» при этом не получается. Происходит трагедия: «М* возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние, ... самоубийство» [Грибоедов, т. 2, с. 203].

Старшие архаисты Шишков, Державин («Крестьянский праздник», «Евгению, жизнь Званская») оптимистически надеялись на единение русского народа на национальной основе. Младший архаист Грибоедов такой возможности не видел. Разрыв зашел слишком далеко. М* не только возвращу «под палку» своего господина, но унижено и его национальное достоинство. Насильственное бритье бороды унижительно для человека из народа, оно делает его похожим на «чужеземцев»-господ с их «бритыми, седыми подбородками». Не только гармония, но и примирение сословий оказываются невозможным. Выхода из этих неразрешимых противоречий Грибоедов не видит: Чацкий бежит из Москвы, крестьянин убивает себя.

8

В рассказе об отношении Грибоедова к идеям «Беседы» мы часто пользовались такими терминами *архаисты, новаторы, младоархаисты*, которые ввел в научное употребление много лет назад Ю. Н. Тынянов. С тех пор концепция Тынянова, с одной стороны, стала общепринятой, с другой – подверглась многочисленным нападкам и попыткам опровержения. Поэтому уместно в качестве краткого заключения предлагаемой работы напомнить об основных положениях тыняновской концепции и показать, как они использовались автором настоящей статьи.

Книга Тынянова «Архаисты и новаторы» вышла в 1929 г. Почти четверть ее (141 страниц из 595) составляла работа «Архаисты и Пушкин» (1926), где предельно ясно и точно Тынянов изложил представление о развитии литературной (и шире культурной) жизни России в первой четверти XIX в. (и несколько далее). Концепция Тынянова заключалась в том, что в русской литературной жизни друг другу противостояли два течения, но не классики и романтики, а «архаисты» и «новаторы». Первые – ревнители старого слога, старых литературных форм, народного языка, фольклора. «Новаторы» ориентировались на живой современный разговорный язык, европейские литературные жанры.

Во главе первой группы стояли Шишков и Державин. Они основали «Беседу любителей русского слова», куда входили Крылов, Шаховской, Ширинский-Шихматов, Муравьев-Апостол, с некоторыми оговорками Гнедич (он не был членом «Беседы»). Всё это заметные и яркие личности. У старшего поколения архаистов были последователи: молодые и талантливые люди (истинную меру таланта некоторых из них Тынянов первый оценил и описал), Катенин, Кюхельбекер и Грибоедов – «младшие архаисты».

Духовным лидером второй группы был Карамзин, в окружение которого входили Дмитриев, В. Л. Пушкин и др. Карамзину поклонялась яркая плеяда умных, образованных, очень талантливых поэтов: Батюшков, Жуковский,

Вяземский. Они создали в противовес «Беседе» ее пародию – литературное общество «Арзамас». Это было, по терминологии Тынянова, младшее поколение «новаторов».

Сам Тынянов избегал говорить об идеологии этих литературных групп. Он сочувственно цитировал слова Я. К. Грота, что «сначала не было и речи о чем-либо ином, кроме слога, которого порча приписывалась только пристрастному предпочтению французского языка и французского воспитания», и сам говорил, что «архаистическое течение сознавало себя поначалу течением только литературным» [Тынянов, 1968, с. 25]. Поскольку «Беседа» а priori считалась явлением сугубо реакционным и потому не подлежала исследованию, а должна была быть только ругаема, Тынянов говорил, что «было бы неправильно все особенности «Беседы» переносить на архаистическое направление в целом» [Там же]. Он старательно подчеркивал «разницу между архаистичностью литературной и реакционностью общественной. Для младших архаистов второй момент отпал и тем ярче проявился первый». Именно на *первом моменте*, т.е. на литературе и сосредоточил Тынянов свое исследование.

Исключив из анализа общественно-политическую и философско-теоретическую позицию Шишкова и его единомышленников (а заодно и младших архаистов), Тынянов обратился к анализу чисто литературных проблем. Такое отделение литературы от политики и публицистики давало ему возможность объективного изучения литературной жизни без боязни прослыть мракобесом и защитником оголтелой реакции. В то же время эта позиция уменьшала цензурные риски. Времена были хотя и совсем не «вегетарианские», но до кровавой мясорубки 1930-х дело еще не дошло. Правда, большевистская критика все-таки, выражаясь современным языком, «доставала» ученого. Так, В. А. Десницкий с «классовых» позиций поучал далекого от марксистских теорий исследователя: «Языковый “архаизм” декабристов нужно понимать не как этап в эволюции единого архаизма, а как конкретный *эпизод борьбы за оружие*, как стремление *вырвать* его из *рук врага*. В архаизме ранних и поздних декабристов нужно прежде всего искать элементы, *разъединяющие* их, а не *объединяющие*. <...> Смешение в одну кучу <...> явлений *разноклассового* порядка приводит к безнадежной исторической путанице» [Десницкий, 1958, с. 97, 96].

На самом деле в полемике «беседчиков» и «арзамасцев», архаистов и новаторов речь шла не столько о литературных, тем более не о языковых проблемах, сколько о явлениях политических, мировоззренческих и философских. Писатели (и не только писатели), окружавшие Шишкова и составившие «Беседу любителей русского слова», были консерваторами, находились в оппозиции к либеральному правительству Александра I и являлись противниками тех людей, которые этот либеральный курс поддерживали (о политической, общественной и литературной деятельности «арзамасского круга» см.: [Майофис, 2008]; об оппозиции «беседного круга» к реформам Александра I и западническим, либеральным настроениям см.: [Альтшуллер, 2007]).

Либералы были западниками. Для них сближение с Европой, усвоение ее культуры, образа жизни было залогом успешного развития и процветания России. «Надлежало <...> свернуть голову закоренелому русскому упрямству, – восклицал Карамзин, – чтобы сделать нас гибкими, способными учиться и перенимать <...>. Немцы, французы, англичане были впереди русских, по крайней мере шестью веками. Петр двинул нас своею мощною рукою, и мы в несколько лет догнали их» [Карамзин, 1984, с. 254–255]. Шишков занимал противоположные позиции. С его точки зрения, русский народ является носителем самоценной и самобытной культуры. Эта культура, основанная на греческом православном (византийском) наследии, намного превосходит «сухую, бесплодную», восходящую к латинским образцам западную. Россия выработала, сохранила и укрепила в своем народе политическую систему, незыблемую и своей устойчивостью и совершенством намного превосходящую все европейские образцы.

Даже когда взгляды на те или иные общественные институты у старшего поколения обеих групп совпадали, они мотивировали это по-разному. Так, и Шишков и Карамзин были против отмены крепостного права. Но для Карамзина освободить русских людей сейчас нельзя, потому что до Годунова они имели «навык людей вольных – ныне имеют навык рабов». А Шишков считает, что крестьяне и помещики связаны идиллической связью, «на обоюдной пользе основанной, русским нравам и добродетелям свойственной, взаимным усердием и общей к отечеству любви ознаменованной» [Альтшуллер, 1983, р. 214–222; Альтшуллер, 2011, с. 51].

Младшие архаисты не были защитниками крепостнических отношений. Еще в меньшей степени были они сторонниками абсолютной монархии, поскольку, с их точки зрения, у России мог быть свой путь: северные древнерусские города (Новгород, Псков) были населены свободными людьми, имели свой русский парламент – вече. Однако в представлении о самобытном, своеобразном, не европейском пути развития отечества сходились старшее и младшее поколение архаистов. Это схождение мы и постарались последовательно проследить в творчестве самого талантливого из архаистов – Грибоедова, у которого Тынянов отмечал «насыщенность русскою жизнью, сугубо русское понимание всех литературных вопросов – уже подавно и исторических...» [Тынянов, 1968, с. 371].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников / Вступ. ст., сост. и подгот. текста С. А. Фомичева; коммент. П. С. Краснова, С. А. Фомичева. – Москва: Художественная литература, 1980. – 448 с.

Азадовский, М. К. История русской фольклористики. Т. 1. / Вступ. статья В. Жирмунского / М. К. Азадовский. – Москва: Учпедгиз, 1958. – 479 с.

Аксаков, С. Т. Воспоминание об Александре Семеновиче Шишкове / С. Т. Аксаков // Аксаков С. Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 2. / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. С. Машинского. – Москва: Гослитиздат, 1955. – 506 с.

Альтшуллер, М. Г. «Беседа любителей русского слова»: у истоков русского славянофильства / М. Альтшуллер. – Москва: Новое литературное обозрение, 2007. – 444 с.

Альтшуллер, М. «Рассуждение о старом и новом слоге российского языка» как политический документ (А. С. Шишков и Н. М. Карамзин) / М. М. Альтшуллер // *Russian and the West in the eighteenth Century* / ed. by A. D. Cross. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1983. – P. 214–222.

Альтшуллер, М. Шишков и Карамзин в споре о судьбах России / М. Альтшуллер // *Литературоведческий журнал*. – 2011. – № 28. – С. 43–57.

Арзамас: Сборник: в 2 кн. / Сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацура и др. Кн. 1. – Москва: Художественная литература, 1994. – 605 с.

Батюшков, К. Н. Сочинения: в 2 т. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. А. Кошелева, А. Л. Зорина / К. Н. Батюшков. Т. 1–2. – Москва: Художественная литература, 1989.

Булгарин, Ф. В. Сочинения / Сост., авт. вступ. ст. и примеч. Н. Н. Львова / Ф. В. Булгарин. – Москва: Современник, 1990. – 702 с.

Виноградов, В. В. История слов / В. В. Виноградов. – Москва: Толк, 1994. – 1138 с.

<Гнедич Н.> О вольном переводе Бюргеровой баллады «Ленора» // *Сын Отечества*. – 1816. Ч. 31. – № XXVII. – С. 2–22.

Грибоедов, А. С. Полное собрание сочинений: в 3 т. / Науч. ред. С. А. Фомичев. / А. С. Грибоедов. Т. 1–3. – Санкт-Петербург: Изд-во Нотабене, Дмитрий Буланин, 1995–2006.

Грибоедов, А. С. Сочинения / Вступ. ст., коммент., сост. и подгот. текста С. А. Фомичева / А. С. Грибоедов. – Москва: Художественная литература, 1988. – 750 с.

Десницкий, В. Из истории литературных обществ начала XIX века (1936) / В. Десницкий // *Десницкий В. Избранные статьи по русской литературе XVIII–XIX вв.* – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. – С. 92–191.

Жихарев, С. П. Записки современника: [Воспоминания старого театрала] / Ред., статьи и коммент. Б. М. Эйхенбаума / С. П. Жихарев. – Москва; Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР, 1955. – 836 с.

<Загоскин М. Н.> М. З. Житель Лиговского канала. Знаюки, или История одного дня / М. Н. Загоскин // *Северный наблюдатель*. – 1817. Ч. 1. – № 2. – С. 41–66.

Карамзин, Н. М. Избранные сочинения: в 2 т. / Вступ. статья П. Беркова и Г. Макогоненко, подготовка текста и примеч. П. Беркова / Н. М. Карамзин. Т. 2. – Москва; Ленинград: Художественная литература 1964. – 591 с.

Карамзин, Н. М. Письма русского путешественника / Подгот. и примеч. Ю. М. Лотман и др. / Н. М. Карамзин. – Ленинград: Наука, 1984. – 717 с.

Катенин, П. А. Избранные произведения. / Вступ. статья, подготовка текста, примечания Г. В. Ермаковой-Битнер / П. А. Катенин. – Москва; Ленинград: Советский писатель, 1965. – 742 с.

Кибальник, С. А. «Дуэль» Грибоедова с Гнедичем / С. А. Кибальник // А. С. Грибоедов. Хмелитский сб. – Смоленск, 2010. Вып. 10. – С. 36–45.

Комаров, Т. Г. Семенов Петр Николаевич (1791–1832) / Т. Г. Комаров // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. Т. 5. – Москва: Большая российская энциклопедия, 2007. – 819 с.

Кошелев, В. А. «Нижегородский язык» (Об одной грибоедовской номинации) / В. А. Кошелев // Русская культура и мир. – Нижний Новгород, 1994. Ч. 2. – С. 17–19.

Кошелев, В. А. А. С. Грибоедов и К. Н. Батюшков (к творческой истории комедии «Студент») / В. А. Кошелев // А. С. Грибоедов. Материалы к биографии / Отв. ред. С. А. Фомичев. – Ленинград: Наука, 1989. – С. 199–219.

Кошелев, В. А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, в рассуждениях и разысканиях / В. А. Кошелев. – Москва: Новое литературное обозрение, 2000. – 504 с.

Кунарёв, А. А. Комедия А. С. Грибоедова «Горе от ума»: Комментарий. Книга для учителя и ученика / А. А. Кунарев. – Москва: Изд.-торговый дом «Русская редакция», 2004. – 672 с.

Кюхельбекер, В. К. Путешествие. Дневник. Статьи / В. К. Кюхельбекер. – Ленинград: Наука, 1979. – 789 с.

Ларионова, Е. О. Мстительный отец в трагедии В. А. Озерова «Фингал» / Е. О. Ларионова // Западный сборник: В честь 80-летия П. Р. Заборова. – Санкт-Петербург: Изд-во Пушкинского Дома, 2011. – С. 239–256.

Летопись жизни и творчества Александра Сергеевича Грибоедова, 1790–1829 / сост. Н. А. Тархова. – Москва: Минувшее, 2017. – 602 с.

Майофис, М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815–1818 годов / М. Майофис. – Москва: Новое литературное обозрение, 2008. – 800 с.

Мещеряков, В. П. А. С. Грибоедов: Литературное окружение и восприятие (XIX – нач. XX в.) / Отв. ред. Ф. Я. Прийма / В. П. Мещеряков. – Ленинград: Наука, 1983. – 267 с.

Муравьев-Апостол, И. М. Письма из Москвы в Нижний Новгород / Изд. подгот. В. А. Кошелев / И. М. Муравьев-Апостол. – Санкт-Петербург: Наука, 2002. – 269 с.

Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву / Прим. и указ. Я. Грот и Н. Пекарский. – Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1866. – 727 с.

Поэты 1790–1800-х годов: Сб. стихов / Вступ. статья и сост. Ю. М. Лотмана; подгот. текста М. Г. Альтшуллера. – Ленинград: Советский писатель, 1971. – 911 с.

Пушкин, В. Л. Стихотворения / Под ред. С. И. Панова / В. Л. Пушкин. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2005. – 376 с.

Русская народная драма XVII–XX веков: тексты пьес и описания представлений / ред., вступительная ст. и коммент. П. Н. Беркова. – Москва: Искусство, 1953. – 354 с.

Русская стихотворная пародия (XVIII – начало XX в.) / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. А. Морозова]. – Ленинград: Советский писатель, 1960. – 854 с.

Сидорова, Л. П. Рукописные замечания современника на первом издании трагедии В. А. Озерова «Димитрий Донской» / Л. П. Сидорова // Записки отдела рукописей Гос. библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 18. – Москва, 1956. – С. 142–179.

Строганов, М. В. Еще о литературной позиции Грибоедова / М. В. Строганов // Пушкин и другие: Сб. статей к 60-летию профессора С. А. Фомичева. – Новгород: Изд-во Новгор. гос. ун-та, 1997. – С. 180–187.

Строганов, М. В. О литературной позиции Грибоедова / М. В. Строганов // Новые безделки. Сборник статей к 60-летию В. Э. Вацура. – Москва: Новое литературное обозрение, 1995–1996. – С. 138–146.

Толстой, А. К. Собрание сочинений: в 4 т. / Под ред. И. Ямпольского / А. К. Толстой. – Москва: Правда, 1969. Т. 1. – 670 с.

Тынянов, Ю. Н. Пушкин и его современники / Вступ. статья В. В. Виноградова, сост. сб. и подгот. текста В. А. Каверина и З. А. Никитиной, коммент. А. Л. Гришунина и А. П. Чудакова / Ю. Н. Тынянов. – Москва: Наука, 1968. – 424 с.

Фомичев, С. А. Грибоедов: энциклопедия / С. А. Фомичев. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2007. – 393 с.

Фомичев, С. А. Реконструктивный анализ литературного произведения (Комедия А. С. Грибоедова «Димитрий Дрянской») / С. А. Фомичев // Анализ литературного произведения. – Ленинград: Наука, 1976. – С. 212–225.

Шаховской, А. А. Комедии, стихотворения / Вступ. статья, подготовка текста и примеч. А. А. Гозенпуда / А. А. Шаховской. – Ленинград: Советский писатель, 1961. – 828 с.

Шишков, А. С. Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова: в 2 т. Т. 1 / А. С. Шишков. – Берлин: Изд. Н. Киселева и Ю. Самарина, 1870. – 479 с.

Шишков, А. С. Собрание сочинений и переводов [в 17 ч.] адмирала Шишкова, Российской Императорской академии президента и разных ученых обществ члена. Ч. II. / А. С. Шишков. – Санкт-Петербург: Типография Императорской Российской академии, 1824. – 466 с.

REFERENCES

A. S. Griboedov v vospominaniyah sovremennikov / Vstup. st., sost. i podgot. teksta S. A. Fomicheva; komment. P. S. Krasnova, S. A. Fomicheva. – Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1980. – 448 s.

Aksakov, S. T. Vospominanie ob Aleksandre Semenoviche SHishkove / S. T. Aksakov // Aksakov S. T. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 2 / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. S. Mashinskogo.– Moskva: Goslitizdat, 1955.– 506 s.

Al'tshuller, M. G. «Beseda lyubitelej russkogo slova»: u istokov russkogo slavjanofil'stva / M. Al'tshuller.– Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2007.– 444 s.

Al'tshuller, M. «Rassuzhdenie o starom i novom sloge rossijskogoazyka» kak politicheskij dokument (A. S. SHishkov i N. M. Karamzin) / M. Al'tshuller// Russian and the West in the eighteenth Century / ed. by A. D. Cross. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1983.– P. 214–222.

Al'tshuller, M. SHishkov i Karamzin v spore o sud'bah Rossii / M. Al'tshuller // Literaturovedcheskij zhurnal.– 2011.– № 28.– S.43–57.

Arzamas: Sbornik: v 2 kn. / Sost., podgot. teksta i komment. V. E. Vacuro i dr. Kn. 1.– Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1994.– 605 s.

Azadovskij, M. K. Istoriya russkoj fol'kloristiki. T. 1 / Vstup. stat'ya V. Zhirmunskogo / M. K. Azadovskij.– Moskva: Uchpedgiz, 1958.– 479 s.

Batyushkov, K. N. Sochineniya: v 2 t. / Sost., podgot. teksta, vstup. st. i komment. V. A. Kosheleva, A. L. Zorina / K. N. Batyushkov. T. 1–2.– Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1989.

Bulgarin, F. V. Sochineniya / Sost., avt. vstup. st. i primech. N. N. L'vova / F. V. Bulgarin.– Moskva: Sovremennik, 1990.– 702 s.

Desnickij, V. Iz istorii literaturnyh obshchestv nachala XIX veka (1936) / V. Densickij // Desnickij V. Izbrannye stat'i po russkoj literature XVIII–XIX vv.– Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1958.– C. 92–191.

Fomichev, S. A. Griboedov: enciklopediya / S. A. Fomichev.– Sankt-Peterburg: Nestor-Istoriya, 2007.– 393 s.

Fomichev, S. A. Rekonstruktivnyj analiz literaturnogo proizvedeniya (Komediya A. S. Griboedova «Dmitrij Dryanskoj») / S. A. Fomichev // Analiz literaturnogo proizvedeniya.– Leningrad: Nauka, 1976.– S. 212–225.

<**Gnedich N.**> O vol'nom perevode Byurgerovoj ballady «Lenora» // Syn Otechestva.– 1816. CH. 31.– № XXVII.– S. 2–22.

Griboedov, A. S. Polnoe sobranie sochinenij: v 3 t. / Nauch. red. S. A. Fomichev. / A. S. Griboedov. T. 1–3.– Sankt-Peterburg: Izd-vo Notabene, Dmitrij Bulanin, 1995–2006.

Griboedov, A. S. Sochineniya / Vstup. st., komment., sost. i podgot. teksta S. A. Fomicheva / A. S. Griboedov.– Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1988.– 750 s.

Karamzin, N. M. Izbrannye sochineniya: v 2 t. / Vstup. stat'ya P. Berkova i G. Makogonenko, podgotovka teksta i primech. P. Berkova / N. M. Karamzin. T. 2.– Moskva; Leningrad: Hudozhestvennaya literatura 1964.– 591 s.

Karamzin, N. M. Pis'ma russkogo puteshestvennika / Podgot. i primech. YU. M. Lotman i dr. / N. M. Karamzin.– Leningrad: Nauka, 1984.– 717 s.

Katenin, P.A. Izbrannye proizvedeniya. / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta, primechaniya G. V. Ermakovoj-Bitner / P.A. Katenin. – Moskva; Leningrad: Sovetskij pisatel', 1965. – 742 s.

Kibal'nik, S. A. «Duel'» Griboedova s Gnedichem / S.A. Kibal'nik // A. S. Griboedov. Hmelitskij sb. – Smolensk, 2010. Vyp.10. – S. 36–45.

Komarov, T.G. Semenov Petr Nikolaevich (1791–1832) / T.G. Komarov // Russkie pisateli, 1800–1917: biograficheskij slovar'. T. 5. – Moskva: Bol'shaya rossijskaya enciklopediya. 2007. – 819 s.

Koshelev, V. A. «Nizhegorodskijazyk» (Ob odnoj griboedovskoj nominacii) / V. A. Koshelev // Russkaya kul'tura i mir. – Nizhnij Novgorod, 1994. CH. 2. – S. 17–19.

Koshelev, V. A. A. S. Griboedov i K. N. Batyushkov (k tvorcheskoj istorii komedii «Student») / V. A. Koshelev // A. S. Griboedov. Materialy k biografii / Otv. red. S. A. Fomichev. – Leningrad: Nauka, 1989. – S.199–219.

Koshelev, V.A. Aleksej Stepanovich Homyakov, zhizneopisanie v dokumentah, v rassuzhdeniyah i razyskaniyah / V.A. Koshelev. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000. – 504 s.

Kunaryov, A.A. Komediya A. S. Griboedova «Gore ot uma»: Kommentarij. Kniga dlya uchitelya i uchenika / A. A. Kunarev. – Moskva: Izd.-torgovij dom «Russkaya redakciya», 2004. – 672 s.

Kyuhel'beker, V.K. Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i / V. K. Kyuhel'beker. – Leningrad: Nauka, 1979. – 789 s.

Larionova, E.O. Mstitel'nyj otec v tragedii V.A. Ozerova «Fingal» / E. O. Larionova // Zapadnyj sbornik: V chest' 80-letiya P.R. Zaborova. – Sankt-Peterburg: Izd-vo Pushkinskogo Doma, 2011. – S. 239–256.

Letopis' zhizni i tvorchestva Aleksandra Sergeevicha Griboedova, 1790–1829 / sost. N. A. Tarhova. – Moskva: Minushee, 2017. – 602.

Majofis, M. Vozzvanie k Evrope: Literaturnoe obshchestvo «Arzamas» i rossijskij modernizacionnyj proekt 1815–1818 godov / M. Majofis. – Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 800 s.

Meshcheryakov, V. P. A. S. Griboedov: Literaturnoe okruzenie i vospriyatie (XIX – nach. XX v.) / Otv. red. F. YA. Prijma / V.P. Meshcheryakov. – Leningrad: Nauka, 1983. – 267 s.

Murav'ev-Apostol, I. M. Pis'ma iz Moskvy v Nizhnij Novgorod / Izd. podgot. V. A. Koshelev / I. M. Murav'ev-Apostol. – Sankt-Peterburg: Nauka, 2002. – 269 s.

Pis'ma N.M. Karamzina k I. I. Dmitrievu / Prim. i ukaz. YA. Grot i N. Pekarskij. – Sankt-Peterburg: tip. Imp. Akad. nauk, 1866. – 727 s.

Poety 1790–1800-h godov: Sb. stihov / Vstup. stat'ya i sost. YU. M. Lotmana; podgot. teksta M. G. Al'tshullera. – Leningrad: Sovetskij pisatel', 1971. – 911 s.

Pushkin, V. L. Stihotvoreniya / Pod red. S. I. Panova / V. L. Pushkin. – Sankt-Peterburg: Giperion, 2005. – 376 s.

Russkaya narodnaya drama XVII–XX vekov: teksty p'es i opisaniya predstavlenij / red., vstupitel'naya st. i komment. P. N. Berkova.– Moskva: Iskustvo, 1953.– 354 s.

Russkaya stihotvornaya parodiya (XVIII – nachalo XX v.) / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. A. A. Morozova].– Leningrad: Sovetskij pisatel', 1960.– 854 s.

SHahovskoj, A. A. Komedii, stihotvoreniya / Vstup. stat'ya, podgotovka teksta i primech. A. A. Gozenpuda / A. A. SHahovskoj.– Leningrad: Sovetskij pisatel', 1961.– 828 s.

Shishkov, A. S. Zapiski, mneniya i perezpiska admirala A. S. SHishkova: v 2 t. T. 1 / A. S. SHishkov.– Berlin: Izd. N. Kiseleva i YU. Samarina, 1870. T. 1.– 479 s.

Shishkov, A. S. Sobr. soch. i perevodov [v 17 ch.] admirala SHishkova, Rossijskoj Imperatorskoj akademii prezidenta i raznyh uchenyh obshchestv chlena. Ch. II / A. S. Shishkov.– Sankt-Peterburg: Tipografiya Imperatorskoj Rossijskoj akademii, 1824.– 466 s.

Sidorova, L. P. Rukopisnye zamechaniya sovremennika na pervom izdanii tragedii V. A. Ozerova «Dimitrij Donskoj» / L. P. Sidorova // Zapiski otdela rukopisej Gos. biblioteki SSSR im. V. I. Lenina. Vyp. 18.– Moskva, 1956.– C. 142–179.

Stroganov, M. V. Eshche o literaturnoj pozicii Griboedova / M. V. Stroganov // Pushkin i drugie: Sb. statej k 60-letiyu professora S. A. Fomicheva.– Novgorod: Izd-vo Novgor. gos. un-ta, 1997.– S. 180–187.

Stroganov, M. V. O literaturnoj pozicii Griboedova / M. V. Stroganov // Novye bezdelki. Sbornik statej k 60-letiyu V. E. Vacuro.– Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995–1996.– S. 138–146.

Tolstoj, A. K. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 1 / Pod red. I. Yampol'skogo / A. K. Tolstoj.– Moskva: Pravda, 1969.– 670 s.

Tynyanov, YU. N. Pushkin i ego sovremenniki / Vstup. stat'ya V. V. Vinogradova, sost. sb. i podgot. teksta V. A. Kaverina i Z. A. Nikitinoj, komment. A. L. Grishunina i A. P. Chudakova / YU. N. Tynyanov.– Moskva: Nauka, 1968.– 424 s.

Vinogradov, V. V. Istoriya slov / V. V. Vinogradov.– Moskva: Tolk, 1994.– 1138 s.

<**Zagoskin M. N.**> M. Z. ZHitel' Ligovskogo kanala. Znatoki, ili Istoriya odnogo dnya / M. N. Zagoskin // Severnyj nablyudatel'.– 1817. CH. 1.– № 2.– S. 41–66.

ZHiharev, S. P. Zapiski sovremennika: [Vospominaniya starogo teatrala] / Red., stat'i i komment. B. M. Ejhenbauma / S. P. ZHiharev.– Moskva; Leningrad: Izd-vo Akad. Nauk SSSR, 1955.– 836 s.